

тельную публику начинающий литературный поденщик? Полагать так есть веские основания.

Ю. Н. Тынянов в свое время подметил и обосновал, что, начиная с ранних комических стихов Некрасова, поэтом было предложено в отечественной поэзии принципиальное обновление старой формы, заключавшееся в пародийном акцентировании «ощущения сдвига старой формы вводом прозаической темы и лексики».³ Б. М. Эйхенбаум обогатил эти положения наблюдениями над интонационными и ритмико-синтаксическими новациями поэта, «говорными» особенностями его стиха.⁴

Не менее важным обстоятельством стало, однако, и нечто другое. Обращение юного Некрасова к репрезентации горизонта и природы сознания носителей вульгарно-плебейской (с позиции романтического идеала), а по существу просто «инокультурной» точки зрения в формах водевильного куплетизма, райка и ролевых «языковых масок»⁵ не было ни нравственным, ни эстетическим «падением» поэта. Наоборот, оно стало некрасовским *открытием* сферы реалистической⁶ типологии субъектов сознания и речи.⁷

Некрасовская стиховая фельетонистика первой половины 1840-х годов отнюдь не представляет собой «проходные» или всего лишь «ранние» и только «юмористические» стихи впоследствии «серьезного» поэта,⁸ но в категориях генетической поэтики («генетическое досье», «авантекст», «гипертекст» и пр.)⁹ суть естественное и необходимое поле выработки художественного инструментария и творческого метода формирующегося мастера.

Разумеется, процесс этот не был ни прямолинейным, ни исключительно волевым. На рубеже 1840-х годов Некрасов оказался «орудием» историко-культурного «промысла» в отечественном литературном процессе. Именно ему суждено было совершить одно из важнейших художественно-поэтических открытий времени: наряду с точкой зрения исключительного романтического субъекта (поэта, гения, пророка) он смог признать реальность и, более того, *жизненную* (а следом и *эстетическую*) *оправданность* точки зрения человека «толпы». Естественно, что изначально (в «Провинциальном подьячем в Петербурге», «Кабинете восковых фигур...», «Говоруне», «Карпе Пантелеиче и Степаниде Кондратьевне») и позже в «Чиновнике», «Нравственном человеке», «опыте современной баллады» «Секрет» носитель подобной «антиточки» зрения эстетически подавался (исходно — с позиции высокого культурного и общеэтического идеала, далее — с позиции социально-гуманистических представлений поэта) как убогое ничтожество или как субъект, лишенный понимания духовно-нравственного измерения своих деяний в сфере общественных отношений.

В этом смысле ранняя лирическая сатира Некрасова представляет собой всего лишь зеркальный профиль его предшествующей романтической лири-

³ Тынянов Ю. Н. Стиховые формы Некрасова // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 19.

⁴ Эйхенбаум Б. М. Некрасов // Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии. Л., 1986. С. 366—370.

⁵ Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 188.

⁶ Корман Б. О. Лирика Н. А. Некрасова. Ижевск, 1978. С. 5. Ср.: Николаев П. А. Реализм как творческий метод. М., 1975. С. 42.

⁷ Корман Б. О. Указ. соч. С. 8—9.

⁸ См. суждения на этот счет: Венгеров С. А. Некрасов // Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. 1897. Полутом 40. С. 858; Гриневич (Якубович) П. Ф. Муза мести и печали (1877—1902) // Русское богатство. 1902. Т. 11. С. 10; Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. Т. 1. М., 1947. В равной степени не стоит в оценке этой иронико-трагической поэзии впадать и в противоположную крайность — принимать ее за образцы социальной сатиры Некрасова (см.: Бухштаб Б. Я. Сатирическая поэзия Некрасова 1840—1850-х годов // Бухштаб Б. Н. А. Некрасов. М., 1989; Архипов В. А. Поэзия труда и борьбы. М., 1973 и др.).

⁹ См. об этом: Генетическая критика во Франции. Антология. М., 1999.